

МАНУЭЛЬ КАСТЕЛЬС: ВЛИЯНИЕ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА НА ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Л.А. Бобова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматривается теория общества сетевых структур Мануэля Кастельса, скорректированная и дополненная ученым с учетом новейших явлений, произошедших за последние 10 лет. Автор теории называет основные важнейшие сигналы изменений в социуме, происходящие ввиду экспансии сетевых структур в век технологических новаций. Изменения коснулись мировой экономики, финансов, структуры труда, миграционных процессов, скорости, роли и восприятия индивидами времени, выразились в беспрецедентном росте урбанизации во всем мире и мультиэтничности населения стран. Сетевая структура общества приводит к зарождению и принципиально новой формы коммуникации – массовых самокоммуникаций. Начавшийся процесс означает снижение элитарной роли официального эмитента информационных сообщений – то есть движения информационных потоков «по вертикали» – и повышение релевантности информационных сообщений, публикуемых в открытых пространствах сети Интернет отдельными индивидами – то есть движения информации «по горизонтали» от индивида к индивиду. С появлением новых технологий любой индивид, имеющий доступ к сети Интернет, может построить свою собственную информационную систему, используя продукты Интернета и мобильной связи. Несмотря на появление массовых самокоммуникаций в условиях повышенной социальной нестабильности, данный тип коммуникаций оказывается эффективным инструментом в матрице социального взаимодействия в сети Интернет. В статье отмечается ускоренный темп роста числа пользователей массовыми самокоммуникациями, обусловленный революционными сдвигами последних лет в области коммуникационных технологий. Беспроводная коммуникация становится доминантной формой коммуникации в мире, являясь самой быстрораспространяющейся технологией в истории коммуникации. В этой связи происходят изменения роли и формы подачи информации в средствах массовой информации. Происходит синергия между средствами массовой коммуникации и всеми другими формами коммуникации. Результатом таких процессов становится появление принципиально новой культуры коммуникации в современном обществе.

Ключевые слова: сетевое общество, миграция, массовые самокоммуникации, современное российское общество.

Мануэль Кастельс, автор трехтомного труда «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [11], положившего начало теории сетевого общества, в 2010 г. опубликовал третье издание книги с новым предисловием. В нем ученый проанализировал новейшие тенденции сетевого общества, которые произошли за десять лет с момента первого издания книги, а также внес существенные коррективы в свою теорию. Социолог впервые озвучил свою теорию общества сетевых структур еще 20 лет назад. Уже в середине прошлого века начавшаяся компьютеризация и глобализация привели его к мысли о зарождении качественно новой морфологии общества.

В XXI в. процессы глобализации и компьютеризации интенсифицируются, спровоцировав радикальные, никогда ранее не зафиксированные в истории изменения в социуме. Сетевая теория Кастельса стала требовать своего пересмотра и дополнения в контексте усиливавшихся кризисов, конфликтов и протестных движений во всем мире. В связи с такими проявлениями нестабильности возрастает актуальность выработки инновационных подходов к пониманию и исследованию современного социума, культуры, экономики сетевого характера.

По мнению ученого, важнейшим сигналом структурных изменений в обществе является пережитый в 2008–2009 гг. мировой финансовый кризис. Причины такого масштабного и неожиданного кризиса коренятся, по Кастельсу, в техническом обновлении инструментария финансовых систем, вызвавшем усложнение, ускорение и повышение рискогенности производимых финансовых операций и появление новых финансовых продуктов и инструментов (деривативы, фьючерсы, опции, секуляризованное страхование), элиминировавшие транспарентность рынка и практически полностью виртуализировавшие его. Компьютеризация и виртуализация финансового сектора во всем мире привели к созданию глобального финансового рынка, который в купе с национальной политикой дерегуляции и либерализации экономик вызвал бесконтрольное движение капитала в мире. Кроме того, недостаточный контроль над торговлей ценными бумагами и финансовым рынком способствует появлению все большего числа брокеров, практикующих рискованное кредитование для получения максимального личного дохода. Секьюритизация всех организаций, деловых сделок и имущества превратила финансовую оценку в основной показатель стоимости предприятий, правительства и даже экономик стран.

Кастельс также называет в комплексе причин возникшего кризиса рост кредитования на крупные суммы денег и ипотечный кризис 2007 г., разгоревшийся в США. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. показал невозможность контролировать экономику, плотно базированную на сетях: национальные институты власти практически потеряли способность контролировать и регулировать мировые потоки материальных ценностей и информации. Глобальная автоматизация

финансовых процессов поставила собственную логику функционирования полностью над нуждами экономики и общества, что в итоге привело к разгору мирового финансового кризиса [11].

Данный кризис является ярчайшим примером «нормальной аварии» [13], суть которой, по Ч. Перроу, автору данной концепции, в «системной неизбежности» аварий, являющихся естественным результатом взаимодействия человека со сложными системами, выходящими из-под его контроля. Именно поэтому заявленные политиками прогнозы на многократное увеличение ВВП страны представляются не более чем популистическим способом привлечения голосов избирателей. Век прогнозов уступает место участвующимся «нормальным авариям».

Другим важнейшим сигналом изменений в социуме ввиду экспансии сетевых структур в век технологических новаций, по мнению Кастельса, становятся трансформация структуры и формата труда, а также занятости во всем мире. Такие изменения произошли в связи с внедрением технических новшеств в организации, автоматизацией производства, эмансипацией женщин, с утверждением равноправия между мужским и женским трудом, соответствующим логике глобализации элиминированием жестких национальных границ, повлекших за собой иммиграционные процессы и возросшую мультиэтничность населения, экспансией транснациональных корпораций, утверждением глобального рынка и интернационализацией производства [11].

Внедрение высоких технологий в организации в целом не привело к сокращению рабочих мест, хотя многие профессии исчезли [11] – в XXI в. окончательно невостребованными оказались такие специалисты ручной, неавтоматизированной работы, как ткачи, свечники, скорняки, лудильщики, комашники, гужевники, выдувальщики стекла, секретари-машинисты, сборщики деталей на заводах, чертежники и многие другие. В сфере обслуживания и на транспорте все чаще люди заменяются на проекции людей – к примеру, в некоторых аэропортах городов Европы вместо реального сотрудника стойки информации или кассира, выдающего талоны на посадку, мы найдем соответствующие автоматы или проекции роботов-ассистентов.

Но одновременно с исчезновением сотен профессий возникло множество новых специальностей, требующих высокого уровня образования – маркетологи, системные администраторы, разработчики программного обеспечения, специалисты по информационной безопасности, экологи, нанотехнологи, логисты, аудиторы, графические дизайнеры, специалисты по цифровой рекламе, специалисты по роботостроению, искусственному интеллекту, спутниковой связи [11]. В этой связи общий уровень образования населения растет во всем мире.

Отмеченные тенденции характерны и для России. Так, сравнивая результаты Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг., россиян с высшим образованием стало на 41% больше. Согласно данным

Росстата, в 2002 г. высшее образование имели 19,4 млн человек, а в 2010 г. их стало уже 27,5 млн. При этом, согласно все той же последней переписи, общее количество граждан РФ уменьшилось на 2261,5 тыс. человек [2].

Интернационализация процесса производства товаров и услуг уничтожила тысячи рабочих мест в развитых странах в связи с автоматизацией или переносом производства в развивающиеся страны. В то же время появились сотни тысяч новых рабочих мест в странах с развивающейся экономикой. В сумме в первой декаде XXI в. рабочих мест на мануфактурном производстве в мире оказалось больше, чем когда-либо. Тем не менее уровень жизни жителей развивающихся стран не улучшился в связи с дорогостоящим медицинским обслуживанием и ограничениями социальных благ в частном секторе. Лишь массовая феминизация рабочей силы позволила многим хозяйствам поддержать имеющийся уровень жизни [11].

В России также снизился уровень безработицы. Интернационализация производства положительно влияет на ее экономику. К примеру, открытие новых автомобильных заводов иностранных марок в регионах привело к появлению несколько тысяч новых рабочих мест, различной квалификации, что положительно сказалось на динамике снижения безработицы. По данным Федеральной службы по труду и занятости (Роструд), в 2012 г. официальная безработица в России составила чуть больше 1 млн человек и составила 5,5 % [8] – это самый низкий показатель регистрируемой безработицы в стране за прошедшие 10 лет. Этот показатель в два раза ниже, чем в странах Евросоюза. В Евросоюзе безработица стабилизировалась на уровне 10,7% еще в октябре 2012 г., достигнув рекордного показателя за все время существования ЕС. К началу 2013 г. в 27 странах ЕС Eurostat насчитал 25,926 млн безработных, из которых 18,715 млн проживают в странах еврозоны [4]. Что касается США, то «за первый месяц 2013 г. армия американских безработных пополнилась на 126 000 человек (до 12,332 млн), что составляет 7,9% экономически активного населения США» [5]. Таким образом, за последние 10 лет произошел сдвиг в мировой структуре безработицы: в странах с развивающейся экономикой ситуация стабилизируется, тогда как развитые страны достигают порой рекордно критических отметок. Это совершенно новая тенденция.

Внедрение новых технологий в организации и производство привело к одновременному росту как рабочих мест, требующих высокой квалификации, так и низкоквалифицированной работы, правда, с огромными разрывами в уровне заработной платы. Кастельс в этой связи выделяет два типа современных работников: «самопрограммируемые (информационные) работники» и «работники общего типа (многофункциональные, «исполнители»)». Дуальная структура рынка труда, по мнению социолога, связана со структурными условиями информационной экономики, развивающейся в контексте экономики низкоквалифицированных услуг, и это является источником стратификаци-

онных процессов, наблюдаемых в обществе [11]. По нашему мнению, стратификация обуславливается качеством доступа к информации и информационным технологиям: «исполнители» реже располагают материальной и инфраструктурной возможностью качественного и постоянного доступа к сети Интернет, представляющей основную информационную базу современного общества.

По замечанию Кастельса, в связи с возможностями, предоставленными сетью Интернет и мобильными беспроводными устройствами, растет гибкость рабочей силы, исчезает и пространственно-географическая зависимость. Доступность и распространенность новых технологий вызвала рост числа трудящихся свободных профессий, людей, работающих не по найму [11]. Таким образом, портрет работающего человека видоизменяется во всем мире – для него стала характерна качественно новая социальная мобильность.

По мнению Кастельса, иммиграционные процессы по-прежнему играют значительную роль в экономике и обществе во всем мире. Практически повсеместно растет мультиэтничность и мультикультурализм. Тем не менее, как считает ученый, иммиграция не является всеобъемлющим феноменом. В начале 2010-х гг. в мире насчитывается почти 250 млн мигрантов, и они составляют часть мировой рабочей силы, в разной степени влияющей на разные страны. Однако бесспорно, что концентрация мигрантов в узловых городах мира повышает социальную напряженность [11], ведь чаще всего это низкоквалифицированные рабочие с полным отсутствием понимания местной культуры.

Столкновения культур, ставшие нормой, всегда происходят социально болезненно. К примеру, отмечен рост ксенофобии в нашей стране [6]. В официальных отчетах и заявлениях ФМС России звучат резонные обоснования такой эскалации ксенофобии [9]. В большинстве своем молодые мигранты, приезжающие на работу в Россию, не владеют русским языком, не знакомы с российским законодательством, что приводит к росту числа межнациональных конфликтов, нарушению прав самих мигрантов, к криминализации миграционной сферы, образованию теневого рынка труда. В то же время растет недовольство не только со стороны основной этнической группы, но и представителей меньшинств. И все чаще проявляется реакция на «исключенность» из общей системы, не позволяющая пользоваться благами и ресурсами наравне с остальными членами общества, выраженная в виде религиозного фундаментализма [11]. Его жертвами все чаще и все более массово становятся невинные люди во всем мире.

Мануэль Кастельс, используя терминологию, введенную им еще в 1989 г. в книге «Информационный город» [10], обращает внимание на то, что, несмотря на «стирание национальных границ», в сознании и социальной практике индивидов пространство потоков не ликвидировало значимость пространства мест. Крупные узлы концентрируют все больше капитала, власти, инноваций на планете, но в то же время немного людей в мире идентифи-

■ Социология

цируют себя с единой глобальной, космополитичной культурой, построенной вокруг пространств потоков: большинство людей чувствуют свою жесткую локальную идентичность. Несмотря на то что пространства потоков пересекаются с пространствами мест, культурное и социальное значение определяется в терминах мест, локальности, в то время как функциональность, ресурсы и власть определяются в терминах потоков. По мнению социолога, это самое фундаментальное противоречие, появляющееся в глобализованном, урбанистичном, сетевом мире: в мире, построенном по логике пространства потоков, люди живут в пространствах мест [11].

По нашему мнению, такое противоречие не может просуществовать долгое время: в сложном обществе с сетевой структурой именно пространства потоков становятся несравнимо мощной силой, заставляющей индивидов, живущих в пространствах мест, следовать логике и действовать в соответствии с пространством потоков – и данный процесс с каждым годом интенсифицируется; пространства мест все больше существуют в умах индивидов и в век глобальных сетевых структур практически являют собой атавизм. Однако стоит признать, что пока, как отмечает Кастельс, «гражданами мира» считают себя лишь небольшая доля населения, остальные ассоциируют себя с определенной территорией. Мультиэтничность и мультикультурализм во всем мире приводит к новым, до сих пор слабо разрешимым проблемам [11]. Нам представляется это особенностью «переходного» периода от индустриального общества к новому типу сетевого общества, в котором мы в данный момент находимся.

Кастельс также называет такой фактор радикального изменения общества в последнем десятилетии, как самая мощная волна урбанизации в истории человечества. Используя метод простой экстраполяции существующих показателей, социолог предполагает, что 2/3 населения планеты станут городскими жителями к 2030 г., 3/4 – к середине века. Коммуникационные технологии привели к большей концентрации людей в ограниченном количестве мест на Земле, откуда с остальной частью планеты можно взаимодействовать посредством телекоммуникационных компьютерных сетей и быстрых систем передачи данных [11].

По нашему мнению, процесс урбанизации и должен стать выходом из названного ученым противоречием между пространством мест и пространством потоков, особенно если учитывать проявляющуюся во всем мире новейшую тенденцию, о которой говорит Кастельс. Дело в том, что пространства потоков становятся связанными ресурсными узлами не только в виде городов, но и целых «регионов-метрополий». По наблюдению ученого, создается новая пространственная архитектура из глобальных сетей, соединяющих регионы-метрополии с остальными регионами мира. Таким образом, выявлена прямая связь между технологическими изменениями в обществе и эволюцией его пространственных

форм, в частности такой формы, как регион-метрополия.

Такой регион возникает в результате двух взаимосвязанных процессов – децентрализации крупных городов и объединения существующих городов-центров, которые интегрируются благодаря новым коммуникационным возможностям. Это новая пространственная форма, поскольку в одной пространственной единице вмещаются одновременно городские и сельские районы, открытые пространства и густонаселенные жилые территории, множество городов на территории прерывистой сельской местности. Такие регионы имеют несколько центров и не отвечают традиционной логике разграничения центральных городов и их пригородов. В регионах-метрополиях существуют несколько центров, каждый из которых несет свою функцию. В XXI в. регион-метрополия становится универсальной городской формой. Пространственная структура стала полицентричной и одновременно иерархичной, поскольку каждый из районов выполняет собственную функцию. Такая форма стала возможной благодаря сетевому взаимодействию – ключевой пространственной чертой общества сетевых структур становится сетевое взаимодействие локального и глобального [11].

По мнению Кастельса, фактором изменений в социуме является возникновение «вневременного времени». За последние годы наука совершила прорыв в попытках остановить и биологическое время: отныне при определенном медицинском вмешательстве женщины не ограничены в сроках планирования семьи и деторождения. В условиях распространения мобильных средств коммуникации и сети Интернет, позволяющих быть на связи 24 часа в сутки 7 дней в неделю, стираются границы между личным, семейным и рабочим временем. Нарушается последовательность социальных практик. Люди пытаются справиться с множеством задач одновременно, стараясь сократить при этом время на выполнение каждой из них [11].

Концепция Кастельса созвучна концепции темпоральности «кристаллизованного времени» английских социологов Скотта Лэша и Джона Урри [12]. Кристаллизованное время – это медленно текущее время, с помощью которого человечество воспринимает процесс эволюции планеты. Этой концепции темпоральности придерживаются активисты «зеленых» движений, призывающих к солидарности поколений в борьбе за экологию. По мнению Кастельса, новые концепции темпоральности позволяют отражать тип последовательности, который появляется в современном мире. Концепции «вневременного времени» и «кристаллизованного времени» отражают противоборствующие тенденции в обществе сетевых структур: попытки «укротить» технологии и коллективное подчинение автоматизированным процессам, вышедшим из-под контроля своих авторов [11].

Глобализация ускорила темпы производства, управления и распределения ресурсов и услуг во всем мире, измеряя продуктивность и конкурентное преимущество минимальным затраченным

временем. Мировые финансовые рынки изобрели деривативы, по сути продающие время с риском разрушить экономику, рост которой они были призваны стимулировать. Акселерация использования природных ресурсов, отказ продумать способы их повторной утилизации сокращают срок жизни человека как биологического вида, одновременно увеличивая ожидаемый срок жизни каждого индивида. По замечанию Кастельса, люди живут в мире своих вездесущих аватаров – виртуальная реальность становится основной жизни, уничтожая понятие «время». Масштабные голод и катастрофы напоминают об уязвимости биологического времени, но генетическая инженерия питает человечество иллюзиями, что оно способно отодвинуть смерть до неопределенных сроков. В последние 10 лет, по мнению ученого, попытка отменить время породила глубокий конфликт в социуме – новой культуры отношения к окружающей среде с культурой уничтожения времени [11].

Одним из важнейших сигналом происходящих изменений в социуме является совершенно новый характер и никогда не существовавшие ранее формы коммуникации, возникшие в первом десятилетии XXI в. По наблюдениям Кастельса, наибольшие трансформации с момента первой публикации книги коснулись именно коммуникаций. В последние годы революционные сдвиги в области коммуникационных технологий происходят ускоренными темпами. Темп распространенности сети Интернет ускоряется с каждым годом: в 1995 г. число пользователей Сети в мире составляло 40 млн человек, в 2009 г. – достигло 1,5 млрд. Особенно быстро идет темп проникновения Интернета в развивающиеся страны. В 2008 г. интернет-пользователи составляли 1/5 населения земного шара, менее 10% из них имели доступ к широкополосному Интернету. Тем не менее с 2000 г. цифровое неравенство с критерием доступа к Сети неизменно снижается [11].

С 1990-х гг. развивается еще одна мировая коммуникационная революция: беспроводная коммуникация с постоянно растущим числом возможностей и функций и усовершенствованием соответствующих устройств. Беспроводная коммуникация стала самой быстро распространяющейся технологией в истории коммуникации. Для сравнения: в 1991 г. было около 16 млн пользователей мобильных телефонов, в середине 2008 г. их число превысило 3,4 млрд, что составляет около 52% населения земного шара. Интересно, что в Китае, Латинской Америке и Африке бедные слои населения отдают значительную часть своего заработка на расходы, связанные с коммуникацией. В XXI в. появляется множество мобильных беспроводных устройств, дающих доступ к Интернету. В новой модели коммуникации беспроводная коммуникация является доминантной формой коммуникации [11]. В 2013 г. в России мобильным телефонным устройством владеют 98% населения, из них 49% имеют техническую возможность выходить в сеть Интернет с помощью устройства [3]. Аудитория мобильного Интернета в крупных городах России,

по итогам 2012 г., выросла на 35% и составила 16,7 млн человек – это почти 27% всего населения этих городов [7]. По данным TNS Web Index Установочное Исследование, Россия (города 100 тыс.+, август 2012 г., 12 лет и старше, % от пользователей соответствующего мобильного устройства), мобильные пользователи сети Интернет около 67% времени находятся на сайтах электронных социальных сетей [1].

Кастельс считает, что Интернет и беспроводная коммуникация не являются средствами массовой информации в традиционном смысле, он называет их средствами интерактивной коммуникации. Тем не менее границы между средствами массовой коммуникации и всеми другими формами коммуникации все больше стираются. Более того, Интернет и его производные являются коммуникационным каркасом повседневной жизни все большего числа индивидов, их работы, личного времяпрепровождения, основой их информирования, развлечения, предоставления и пользования государственными услугами, технологическим каркасом функционирования политики и религии. Все больше СМИ и продуктов культуры и информации становятся оцифрованными и находятся в Сети. Например, Интернет уже полностью изменил телевидение: по результатам исследования, проведенного Центром имени Анненберга при Южнокалифорнийском университете, подростки уже не пользуются традиционными устройствами для просмотра телепередач, но прибегают для этого к компьютерам. Телевидение остается самым распространенным средством массовой информации, но способ передачи информации и его формат изменились, его восприятие стало индивидуализированным. Транслирование видеопотоков становится все более и более распространенной формой потребления и производства СМИ. В 2007 г. 48% американцев регулярно просматривали видеofайлы в Интернете, в то время как год ранее доля потребителей видеofайлов составляла 33% [11].

Подобных изменений претерпела и печатная пресса: неотъемлемым компонентом прессы, присутствующей в Сети, стало сетевое взаимодействие, синергия с другими новостными организациями и СМИ. Более того, комбинация новостных сетевых служб с интерактивным блоггингом и электронной почтой, а также система «очень простой сводной информации» (RSS) превратили газеты в компонент другой формы коммуникации: массовой самокоммуникации [11]. Таким образом, массовая коммуникация, как производство содержания, так и его доставка до аудитории, также базируется на возможностях Интернета.

Реальность средств массовой информации меняется, подтверждая значимость роли массовых самокоммуникаций – новейшей формы коммуникации. Самокоммуникация именуется массовой, поскольку достигает потенциально глобальной аудитории посредством пиринговых сетей и подключения к сети Интернет [11]. Такая форма коммуникации возникла вместе с методиками Веб 2.0 и Веб 3.0 – кластеров технологий, устройств, приложений,

■ Социология

которые поддерживают распространение социальных пространств в Интернете благодаря возможностям широкополосного Интернета, открытому программному обеспечению и улучшенными компьютерной графике и интерфейсу, включающему взаимодействие аватаров в формате виртуальных пространств в трехмерном измерении. Массовая самокоммуникация – мультимодальная, позволяющая переформатировать ее содержание благодаря бесплатному свободному в доступе программному обеспечению, все чаще распространяемому беспроводными сетями. Содержание такой коммуникации пополняется пользователями, управляется пользователями в плане публикации сообщений и выбирается пользователями в плане получения данных сообщений «от многих ко многим». Массовые самокоммуникации – это новое средство коммуникации, созданное компьютерными сетями с цифровыми компонентами и охватывающее весь мир в последнее десятилетие. Это освобождение от посредников в процессе передачи информации – любой индивид, имеющий доступ в сеть Интернет, может построить свою информационную систему [11].

В XXI в. индивиды построили собственные системы массовой самокоммуникации, используя продукты Интернета и мобильной связи: SMS, блоги, видеоблоги, подкасты, вики-страницы и функции выражения одобрения/неодобрения опубли-

кованного сообщения нажатием на виджет «Мне нравится» («Like»). Файлообменники и пиринговые сети («Peer-to-peer») способствуют циркуляции, смешиванию и переформатированию любой цифровой информации [11]. «YouTube», веб-сайт, позволяющий любому индивиду или группе индивидов делиться любыми видеофайлами, самостоятельно загружая на него собственное содержимое, в 2007 г. стал самым распространенным средством массовой коммуникации в мире.

Горизонтальные сети коммуникации, построенные вокруг индивидуальных инициатив, интересов и желаний, мультимодальны и включают в себя множество видов документов, от фотографий и масштабных проектов типа Википедии (энциклопедия, заполняемая пользователями) до музыки и фильмов и сетей социальных/политических/религиозных активистов в виде форумов с видео-, аудио- и текстовым содержанием [11].

Электронные социальные сети (например, международные MySpace, Facebook) становятся повседневным обязательным элементом жизни сотен миллионов людей меньше 30 лет. Сетевые сообщества распространяются не только как виртуальная реальность, но и как явление, интегрированное в повседневную реальную жизнь и изменившее многие сферы жизнедеятельности людей [11].

Таким образом, создается новая коммуникационная культура.

Список литературы

1. Беляев А. Состояние и развитие мобильного Интернета в России // Аналитический Центр Видео Интернетшнл. URL: <http://www.vi.ru/Files/pubs/740/1.pdf> (дата обращения: 07.03.2013).
2. Герасимова Е. Высшее образование доминирует // Независимая газета, 1997-2013. URL: http://www.ng.ru/education/2011-12-20.8_perepis.html (дата обращения: 14.04.2012).
3. Леонтьев С. Использование мобильных в разных странах // Информационный портал cossa.ru, 2010-2013. URL: <http://www.cossa.ru/articles/152/37433/> (дата обращения: 13.04.2013).
4. Безработица в США и ЕС не снижается // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/career/news/8666571/bezrabotica_v_ssha_i_evrosoyuze_prodolzhiba_rost (дата обращения: 14.02.2013).
5. Безработица в США и ЕС не снижается // Экономическая правда, 2005-2008. URL: <http://www.epravda.com.ua/rus/news/2013/02/1/359606/> (дата обращения: 07.03.2013).
6. Данные пресс-конференции 05/04/2013, доклад заместителя главы ФМС РФ Анатолия Фоменко.
7. Мобильным Интернетом пользуются 27 % жителей крупных городов России // Runet Media Holding, 2011-2013. URL: <http://therunet.com/news/722-mobilnym-internetom-polzuyutsya-27-zhiteley-krupnyh-gorodov-rossii> (дата обращения: 10.04.2013).
8. Уровень безработицы в России вдвое ниже, чем в странах Евросоюза // Официальный сайт партии Единая Россия, 2005-2013. URL: <http://er.ru/news/2013/4/5/uroven-bezraboticy-v-rossii-vdvoe-nizhechem-v-stranah-evrosoyuza/> (дата обращения: 14.04.2013).
9. ФМС: незнание мигрантами русского приводит к росту ксенофобии // «Вести». Интернет-газета, 2001-2013. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1073491&cid=7> (дата обращения: 10.04.2013).
10. Castells, M. The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. The Wiley-Blackwell, 1992.

11. Castells, M. The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.
12. Lash, Sc., Urry, J. Economies of Signs and Space (Theory, Culture & Society). Sage Publications, 1994.
13. Perrow, Ch. Normal Accidents: Living with High-risk Technologies. N.Y.: Basic Books, 1986.

Об авторе

Бобова Лидия Алексеевна – аспирант кафедры социологии МГИМО(У) МИД России по специальности «Теория, методология и история социологии». E-mail: lydia.bobova@gmail.com

MANUEL CASTELLS: THE IMPACT OF THE NETWORK SOCIETY ON THE NATURE OF SOCIAL COMMUNICATIONS

L.A. Bobova

Abstract: *The article deals with Manuel Castells' theory of network society, corrected and updated according to the new events happened during the last 10 years. The author of the theory registers the major signals of the changing processes in the modern society, happening due to the expansion of networks in the age of technological innovations. Changes affected the global economy, finance, structure of labor, migration, the velocity, role and individual's perception of time. An unprecedented increase of urbanization in the world happened as well. The society became multiethnic. The network structure of the society leads to the uprise of a fundamentally new form of communication called mass self-communications.*

The launched process reduces the elitist role of the official issuer of information i.e. the information flows going vertically, and increases the importance of information published in open spaces on the Internet by individuals i.e. information flows going horizontally from individuals to individuals. New technologies let any individual create its own informational system using the Internet and mobile communication tools. Despite the appearance of mass self-communications in an atmosphere of high social instability, this form of communication turns up to be an effective tool in the matrix of social interaction in the Internet.

An accelerated growth in number of mass self-communications' users is being registered due to the revolutionary changes in the field of communication technologies which made wireless mobile communication devices able to stay connected to the Internet almost continuously. Wireless communication becomes the dominant form of communication in the world, being the fastest-spreading communication technology in history. In this regard the role and form of issue of information in mass-media changes. Synergy between mass-communication and all other forms of communication appeared. The result of this process is the emergence of a radically new culture of communication in modern society.

Keywords: network society, migration, mass self-communication, modern Russian society.

References

1. Beljaev A. Sostojanie i razvitie mobilnogo internet v Rossii (Situation and development of the mobile Internet in Russia) Available at: <http://www.vi.ru/Files/pubs/740/1.pdf> (accessed 07 March 2013).
2. Gerasimova E. Vysshee obrazovanie dominiruet (Higher education dominates). Available at: http://www.ng.ru/education/2011-12-20/8_perepis.html (accessed 14 April 2012).
3. Leont'ev S. Ispol'zovanie mobil'nykh v rznykh stranakh (The use of mobile phones in different countries) Available at: <http://www.cossa.ru/articles/152/37433/> (accessed 13 April 2013)/
4. Bezrobotitsa v ES i SSHA ne snizhaetsa (Unemployment in the U.S. and the EU is not reduced) Available at: http://www.vedomosti.ru/career/news/8666571/bezrobotica_v_ssha_i_evrosoyuze_prodolzila_rost (accessed 14 February 2013).
5. Bezrobotitsa v ES i SSHA ne snizhaetsa (Unemployment in the U.S. and the EU is not reduced) Available at: <http://www.epravda.com.ua/rus/news/2013/02/1/359606/> (accessed 07 March 2013)/
6. Materials of the press-conference (05/04/2013), report of the head deputy of the Federal Migration Service of Russia Anatolij Fomenko.
7. Mobil'nym Internetom pol'zujutsa 27% zhitelej krupnykh gorodov Rossii (27% of the inhabitants of large cities in Russia use mobile Internet). Available at: <http://therunet.com/news/722-mobilnym-internetom-polzuyutsya-27-zhiteley-krupnyh-gorodov-rossii> (accessed 10 April 2013).
8. Uroven' bezrobotitsy v Rossii vdvoe nizhe, chem. V stranakh Evrosojuza (The unemployment rate in Russia is twice lower than in the EU) Available at: <http://er.ru/news/2013/4/5/uroven-bezroboticy-v-rossii-vdvoe-nizhe-chem-v-stranah-evrosoyuza/> (accessed 14 April 2013)/
9. FMS: neznanije russkogo privodit k rostu ksenofobii (FMS: the ignorance of Russian language of the immigrants leads to an increase in xenophobia) Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1073491&cid=7> (accessed 10 April 2013).
10. Castells, M. The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. The Wiley-Blackwell, 1992.
11. Castells, M. The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.
12. Lash, Sc., Urry, J. Economies of Signs and Space (Theory, Culture & Society). Sage Publications, 1994.
13. Perrow, Ch. Normal Accidents: Living with High-risk Technologies. N.Y.: Basic Books, 1986.

About the author

Lidia A. Bobova – is a graduate student of the Sociology Chair of the Moscow State Institute of International Relations (University), specialty "Theory, methodology and history of sociology".
E-mail: lydia.bobova@gmail.com
